

УДК 343

**Вменяемость как признак субъекта преступления в уголовно-правовой доктрине и уголовном законодательстве России имперского и современного периодов**

<sup>1</sup> Марина Геннадьевна Князькова

<sup>2</sup> Нелли Григорьевна Макаренко

<sup>1-2</sup> Сочинский государственный университет, Российская Федерация  
354000, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская, 26 а

<sup>1</sup> Кандидат юридических наук, доцент

E-mail: margoshaum@mail.ru

<sup>2</sup> Кандидат юридических наук

E-mail: granelli@mail.ru

**Аннотация.** В статье рассматривается эволюция особенностей вменяемости как признака субъекта преступления в уголовно-правовой доктрине и законодательстве российского государства имперского периода до современного.

**Ключевые слова:** вменяемость; невменяемость; субъект преступления.

**Введение.** Несмотря на то, что субъект преступления в XIX веке мог не выделяться в качестве самостоятельного элемента состава преступления, а рассматривался как часть «внутренней стороны преступления», тем не менее, рассуждения о субъекте как таковом имело место, как в законодательстве, так и в исследованиях ученых. Проблемы вменяемости остаются актуальными и в современном уголовном праве и законодательстве.

**Материалы и методы.** Научные труды ученых, нормативные правовые акты по исследуемой проблеме; для анализа правовых актов, обобщения проблем, формирования выводов применялись логический, сравнительно-правовой, историко-функциональный и другие методы исследования.

**Обсуждение проблемы.** Зарождение идеи о невиновности лица, имеющего психические болезни приходится на середину XVI века. Законодательство XVIII века не регулировало подробно такой признак субъекта как вменяемость, однако в Артикуле Воинском 1715 г. Петр I (артикуле 195) крайне расплывчато определял этот фактор как о причине освобождения от наказания - «умаление» или полное освобождение от наказания, если кто в лишении ума воровство учинит» [1]. Однако практика могла смягчить наказание, но не освободить от него полностью.

В XIX веке исследователь В.А. Гольцев придерживался следующей точки зрения: «совершить уголовное преступление и понести за него наказание может только лицо, признанное вменяемым, т.е. действовавшее сознательно, с разумением» [2]. Ученый также считал, что законодатель при перечислении и признаков невменяемости может как пропустить важные признаки, так и, наоборот, привести неверные критерии, поэтому в законе должны быть установлены общие рамки, а в свою очередь, суд при содействии специалистов – экспертов и врачей-психиатров, должен принимать решение с учетом всех обстоятельств в каждом конкретном деле.

В некоторых случаях лицо, которое является вменяемым при совершении преступления, могло быть признано невиновным. Лицо могло, совершая определенные действия, не сознавать их преступного характера, а иногда и действовать под влиянием непреодолимой силы. Тем не менее, не всегда подобная случайность или неосторожность освобождала от наказания и, следовательно, существовала преступная неосторожность.

Как справедливо отмечал профессор Н.Д. Сергеевский, вменяемость распространялась на всех тех лиц, к которым закон обращал свои требования и которые могли им повиноваться [3]. Способность принимать закон как руководство в своей деятельности была обусловлена наличием душевных сил и способностей, а именно, следующими элементами способности ко вменению: способности сознавать совершаемое и его отношение к окружающим предметам и явлениям; способности предвидеть последствия совершаемого;

способности понимать предписания закона и сознавать отношение совершаемого деяния к закону; способности принимать различного рода положения и формулы, в число реальных мотивов своей деятельности.

Итак, только лица, обладавшие элементами способности ко вменению, могли быть субъектами преступного деяния, т.е. нести ответственность за свои действия и только на них закон предъявлял свои требования и только от них ожидалось повиновение.

Профессор Л.Е. Владимиров утверждал следующее: для того, чтобы человек, совершивший преступное деяние, был ответствен перед законом, т.е. подвергся уголовной каре, необходимо, чтобы он был вменяем. Вменяемостью он называл «способность человека отвечать перед законом за совершенное деяние, физическое свойство и правовое значение которого он сознавал и на которое он решился актом свободного волеопределения» [4].

По мнению В.Д. Спасовича, в юридической вменяемости различались три ступени: полная вменяемость, полная невменяемость и ослабленная вменяемость. Полная невменяемость устраняла всякую мысль об уголовном преступлении, ослабленная вменяемость, не уничтожая вины, оказывала лишь влияние на смягчение наказания. Причины невменяемости подразделялись на несколько видов: 1) недостаточное развитие способности самоопределяемости и воли; 2) переходные затмения сознания, случающиеся при некоторых физиологических и психических состояниях; 3) болезни души [5].

К физическим недостаткам, препятствовавшим развитию сознания, относились идиотизм и глухонмота. Идиотизм бывал как врожденным, так и произошедшим от потери ума, вследствие психической болезни, поэтому его можно было также отнести к вопросу о психических болезнях.

Уложение 1845 г. [6] в ст. 95 указывало на безумие как на причину не вменяемости, но при этом вводил лишний признак – безумие от рождения. В отношении содержания безумия он на основании п. 4 ст. 134, которая в числе обстоятельств, уменьшающих вину, упоминала легкомыслие, слабоумие, глупость или крайнее невежество, пришел к заключению, что в ст. 95 подразумевалась высшая степень слабоумия, которая образовывала понятие «идиот» [3].

Само определение границ между безумием и состоянием, указанным в ст. 134, в каждом конкретном случае должно было быть сделано судом по следующему признаку: когда подсудимый «не мог иметь понятия о противозаконности и о самом свойстве своего деяния».

В отношении глухонемых, нельзя было отрицать для них полностью вменяемость, даже если лицо являлось таковым от рождения. В отношении некоторых глухонемых допускалась полная невменяемость, других – вменяемость предполагалась только до доказательства того, что они действовали «с разумением», но для них наказание смягчалось [5].

Уложение 1845 г. в ст. 98 в числе обстоятельств, устраняющих вменяемость, упоминало глухонмоту от рождения или с детства, если глухонемой не получил, благодаря воспитанию и общению с другими людьми, надлежащего понятия о своих обязанностях в обществе и законе. При отсутствии специально приспособленного для глухонемых воспитания, глухонмота должна была признаваться причиной, устраняющей вменяемость.

Ко второму виду, переходным затмениям сознания относились сон, опьянение, некоторые болезни тела и сильные душевные волнения.

В отношении сна различались несколько его оттенков: простой сон, сон с тревожными сновидениями, сонноходство или лунатизм (сомнамбулизм). Существовало мнение, что лунатикам могло быть поставлено в вину преступление, задуманное наяву и исполненное во сне.

Уложение 1845 г. говорило в ст. 97 лишь о лунатизме, подразумевая то, что в состоянии обычного сна человек не может совершать никаких действий.

Сходным с состоянием сна являлось состояние опьянения от спиртных напитков, когда человек точно также терял сознание, но сохранял способность совершать физические движения, и для него точно также представления о действительно существовавшем смешивались с тем, что было только в его воображении.

Уголовное Уложение 22 марта 1903 г. не упоминало об опьянении в общей части, но из текста ст. 39 можно было заключить, что состояние полного опьянения, даже намеренного, должно было служить причиной невменяемости [7].

От опьянения отличалось пьянство, которое искажало психическое состояние человека и могло превратиться в настоящую психическую болезнь – белую горячку, соединявшую в

себе галлюцинации зрения, слуха и осязания.

К болезненным состояниям относили, например, лихорадку с бредом и переходные состояния в жизни человека (беременность, половое созревание). Некоторые из переходных состояний отличались сильными влечениями к поджогам, кражам и т.п.; лицо действовало в полном сознании, но теряло господство над собой и над своими действиями.

Болезненные состояния зачастую приводили человека в состояние потери сознания, вместе с которым утрачивалась и вменяемость [3].

Уложение 1845 г. в ст. 96 говорило о невменении преступных деяний, совершенных «больным в точно доказанном припадке умоиступления или совершенного беспамятства». Однако суд мог, признать невменяемыми лишь больных. Здесь Уложение, говоря о том, что беспамятство могло возникнуть не только по причине болезней, вводило лишние признаки, чем придавало своим определениям, по мнению Н.Д. Сергеевского зачастую узкий и неточный смысл: «беременность, аффекты или страстные побуждения различного рода».

Сильными душевными волнениями (affectus) называли движения чувств, которые потрясали весь организм человека и выражались в его различных эмоциях – гнев, отчаяние или страх. Эти эмоции могли почти полностью помрачить сознание и если не уничтожить, то ослабить вменяемость. В противоположность эмоциям называли страсть как направление воли к какой-нибудь одной цели, превратившееся в привычку; здесь считалось, что человек действовал с полным сознанием и должен был быть наказан при совершении преступления, например, некий коллекционер мечтал несколько лет о похищении картины из галереи, думал о предмете своей страсти и, наконец, совершил хищение.

Третья группа причин – психические болезни и уродства, в свою очередь, подразделялись на два подвида. Во-первых, слабоумие или отупение психических способностей, которое бывало или врожденным или наступившим впоследствии, например, от болезни или старости. Слабоумие бывало общим или касавшимся какой-либо особенности. Крайним пределом слабоумия считались полная потеря памяти, ума, воли и сознания [5].

Старческое одряхление нередко влекло за собой полный упадок умственных сил, лишаящих человека способности ко вменению. Не определяя возрастного предела, Уложение в ст. 97 говорило о том, что постановления о невменяемости распространялись и на лиц, потерявших умственные способности от старости или дряхлости [3].

Во-вторых, помешательство, которое бывало с расстройством восприимчивости, наклонностей и вкусов; с расстройством познавательных способностей или интеллекта; с расстройством одновременно и чувствительности и умственных способностей.

Необходимо отметить, что психические болезни уничтожали вменяемость не полностью и не во все свои периоды. В отношении подобных лиц судьи и медики основывали свои суждения на: а) изучении состава преступления, поскольку иногда способ совершения преступления был настолько странным и мотивы преступника были настолько непонятны, что вставал вопрос об умопомешательстве преступника; б) изучении телесного организма субъекта; в) изучении психического состояния субъекта путем продолжительных и разнообразных разговоров с ним о множестве предметов; г) в установлении того, какой период болезни в момент совершения преступления был у преступника

Редакционная Комиссия при подготовке проекта Уголовного Уложения 1903 г. нашла целесообразным вместе с перечнем состояний невменяемости, установить общий признак невменяемости, который бы по возможности служил для судей критерием при оценке различных причин, влияющих на душевное состояние.

В общее определение вменяемости Комиссия внесла два условия: во-первых, способность понимать свойства и значение совершенного, относя «свойства» к физической природе совершенного, а «значение» – к его социальному и юридическому характеру, и, во-вторых, способность руководить своими поступками. В дальнейшем Комиссия разделила основания невменяемости на три группы: недостаточность умственных способностей, болезненное расстройство душевной деятельности и бессознательное состояние.

**Заключение.** Таким образом, зарождение идеи о невинности лица, имеющего психические болезни приходится на середину XVI века, а понятие невменяемости – на XIX столетие, когда начинает развиваться теория о вменяемости лица. Советский уголовный закон не содержал понятие вменяемости. Оно выводилось из негативного понятия невменяемости, закрепленного в ст. 11 Основ уголовного законодательства (Ст. 11 УК

РСФСР). В теории уголовного права данного периода вменяемость определялась как способность лица во время совершения общественно опасного деяния отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими [8]. В соответствии со ст. 19 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо. Понятие вменяемости не содержится, а выводится также через понятие невменяемости, закрепленного в ст. 21 УК РФ, согласно которой «не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики». Следовательно, вменяемость предполагает, что лицо, совершившее общественно-опасное деяние и достигшее возраста уголовной ответственности, обладает определенным набором психических способностей, которые характеризуют состояние его интеллекта и воли по отношению к совершаемому им преступлению. И, если российское уголовное законодательство XVIII века не регулировало подробно такой признак субъекта как вменяемость, то с его эволюцией, вменяемость становится неотъемлемым признаком субъекта преступления в современном уголовном праве.

#### **Примечания.**

1. Князькова М.Г., Макаренко Н.Г. Эволюция признаков внутренней (субъективной) стороны состава имущественных преступлений в уголовно-правовой доктрине и законодательстве российского государства XVIII – начала XX вв. // Известия Сочинского государственного университета. 2012. №3 (21). С. 231-235.
2. Гольцев В.А. Уголовное право и уголовный суд. М., 1901. С 12.
3. Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. СПб., 1910. С. 226-227.
4. Владимиров Л.Е. Учебник русского уголовного права. Харьков, 1889. С. 42-43.
5. Спасович В.Д. Учебник русского уголовного права. СПб., 1863. С. 118.
6. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845. Ст. 95.
7. Евангулов Г.Г. Уголовное Уложение 1903 г. СПб., 1903. Ст. 39.
8. Лазарев А.М. Субъект преступления. М., 1981. С. 27.

UDC 343

### **Imputability as a Subject of Crime in Criminal Doctrine and Criminal Law of Russia in Imperial and Modern Periods**

<sup>1</sup> Marina G. Knyazkova

<sup>2</sup> Nelli G. Makarenko

<sup>1-2</sup> Sochi State University, Russian Federation  
Sovetskay street 26a, Sochi city, Krasnodar Krai, 354000

<sup>1</sup> PhD, Associate Professor  
E-mail: margoshaum@mail.ru

<sup>2</sup> PhD  
E-mail: graneli@mail.ru

**Abstract.** The article features evolution of the imputability as an indicator of crime committer in criminal and legal doctrine and legislation of the Russian state in the imperial and modern periods.

**Keywords:** imputability; nonimputability; crime committer.